

Рецепт Марлен

Большой стиль на выставке легендарной актрисы

Ольга КАБАНОВА

Выставка «Марлен Дитрих» в галерее «Домашкоина» сделана по испытанному и верному рецепту монографических фотовыставок — и если его удастся выдержать, то успех гарантирован. Здесь все как надо: увеличенные эффектные снимки героини — благо она из первых красавиц века и снимали ее самые знаменитые фотографы, — фотографии кадров из фильмов, сами фильмы и отрывки из интервью, прокручиваемые тут же на двух мониторах, знаменитый оборотительный и наглый голос с шикарной «хрипотцой курильщицы», льющийся из динамиков, натюрморт из вещей, ей принадлежавших и подобраанных к теме: шелковые чулки, обтягивавшие лучшие ноги века, балльная туфелька (кажется, из другой эпохи), банальная театральная черная шляпа с перьями, китайская ширма и черное вечернее платье на манекене — подлинное свидетельство божественного сложения кинодивы. Все это щедро сдобрено развешенными по стенам цитатами из ее «Азбуки моей жизни» и высказываниями о самой Марлен, исключительно лестными. Она умела выбирать поклонников.

Зрителю подан кусочек большого и лакомого пирога, который зовется «Легенда Марлен Дитрих» и до сих пор привлекает жаждущих отведать сладкой жизни. В случае Марлен сладость эта разбавлена изрядным количеством приностей, а потому только возбуждает аппетиты поклонников. Выставке в «Доме Нашкоина» не хватает только размера — размеры помещения относительно скромны, — но сделана она качественно: фотографии пересняты из архивов музея студии «Парамаунт», вещи добыты из музея Дитрих,

параллельно с выставкой издан номер журнала «Киносценарии», собравший тексты об актрисе. Спонсорство компании «Бритиш Американ Табакко», вырывающейся в ведущие российские мекенаты, способствовало созданию на выставке атмосферы большого стиля, без которого любой рассказ о Марлен просто немислим. У нее было множество недостатков, но она никогда не была мелочной.

Уходящий век получил десятки определений. Конечно, это век великих социальных потрясений, Хиросимы и компьютеров, но, бесспорно, и век фотографии, кино и кинобогинь. Каждая эпоха создавала свои женские идеалы, но никакое время не может соревноваться с нынешним столетием в массовости их тиражирования. Ни одна женщина в мировой истории не имела столько поклонников, как каждая из героинь первой и лучшей половины столетней жизни кинематографа.

У Марлен Дитрих перед ее соперницами на звание женского идеала уходящего века — божественной Гретой Гарбо, пленительной Одри Хепберн, умопомрачительной Мэрилин Монро, роскошной Элизабет Тейлор — есть одно явное преимущество. Она собрала в себе почти все качества идеальной женщины своего времени (а прожила она почти век), когда они персонафицировали только одно.

Ее знаменитое лицо «фамм фаталь» с высокими впалыми скулами (загадка биографов — вырывала ли она для достижения фирменного эффекта впадины коренные зубы), тяжелыми веками и чувственным ртом, слепленное не столько природой, сколько мастерством гримеров, парикмахеров, осветителей, режиссеров, фотографов и операторов, могло соперничать с дивным совершенством лица Греты Гарбо. Но кроме

лица у нее были превосходные ноги («Мне надоело, что камера все время снимает мои ноги», — кокетливо сетовала она в мемуарах), что в век коротких юбок считалось обязательной женской доблестью.

Она была на экране вызывающе сексуальна («В Голубом ангеле» вы, стоя на верхней ступени лестницы, бросали вниз, в лицо Эмилио Яннингсу ваши трусики. Вы сознаете, что этот заурядный жест стал символом эротизма на последующие полвека?» — спрашивали ее в интервью), а в жизни имела кучу знаменитых любовников и любовниц, что также было обязательным для героини века невиданной ранее сексуальной свободы и реабилитации однополкой любви. Но она не хотела оставаться только объектом желания и упорно шлифовала всю жизнь свой незаурядный актерский талант и скромные вокальные данные.

Она была труженицей, для которой нет мелочей, и любила вспоминать, как часами стояла на примерках своих сногшибательных туалетов, давала подробнейшие указания на съемках осветителям, самолично определяла, как надо ретушировать фотографии. В век диктата моды она сумела обрести собственный стиль классической элегантности и не отступала от него никогда.

Марлен Дитрих предугадала и не сразу возникшую потребность века в интеллектуалках. В мемуарах неустанно упоминала, как любит Гете, Рильке и Канта. Ее высказывания были во многом банальны («Разве можно забыть максимы Иммануила Канта: «Поступай так, чтобы максимы твоей воли можно было соотнести с принципами всеобщего законодательства»), но она ненавидела фирменную актерскую глупость и хотела быть личностью. Впрочем,

Почти обычная женщина — неканонический образ великолепной Марлен

Дитрих ею и была. И неважно, по каким соображениям она стала вольнонаемной в американской армии (то ли в поисках встречи с Жаном Габеном, то ли из действительной ненависти к фашизму), но она выступала с концертами на театре военных действий Второй мировой и консультировалась с солдатами, как избавиться от одолевших ее вшей.

Научившая женщин носить брюки, воплощение свободы и независимости, она неустанно благодарила сделавших ее мужчин («поскольку я редко знала, что мне делать»), Джозефа фон Штернберга, режиссера, разгладившего в за-

урядной и полноватой немецкой актрисе будущую мировую звезду, страшно раздражало ее утверждение «Без тебя я — ничто». А в зрелые годы она неустанно повторяла, что молодой музыкант Берт Бакарак — истинный виновник успеха ее эстрадных шоу. Такой феминизм нравился и женщинам, и мужчинам. Она очаровывала домохозяек истеричным обожанием дочери и демонстративным увлечением кулинарией: «Поскольку терпение — моя величайшая добродетель, а совершенство — моя цель, я была хорошо подготовлена для выполнения кулинарных задач». (Впрочем, ре-

цепты ее были примитивны.) Умение находить дружбу и любовь лучших из лучших — давно прославившее ее качество. Хочется, правда, заметить, что кроме оставшихся знаменитыми Ремарка, Хемингуэя, Пиаф и прочих, имена многих ее протеже — прежде модных — забыты.

Теперь время богинь прошло. Изготовление звезд кинематографа отладили настолько успешно, что их рождение — дело техники. Презвие люди конца двадцатого века идолам не поклоняются, в богинь не верят. Оттого, может быть, любят разбирать старые мифы.